

А.Б. Галкин

Коробочка

Коробочка — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Фольклорный источник образа Коробочки — баба Яга. Ситуация встречи Чичикова и Коробочки сюжетно повторяет эпизод из «Вия»: заблудившиеся бурсаки попадают в гости к сатанинской «бабусе». Отдельными чертами Коробочки также напоминает ведьм из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Фамилия Коробочка метафорически выражает сущность ее природы: бережливой, недоверчивой, боязливой, скудоумной, упрямой и суеверной. Коробочка — «одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки... В один ... целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки...». Комод, где лежат, помимо белья, ночных кофточек, нитяных моточков, распоротого салопы, мешочки с деньгами, — аналог Коробочки. Тождественна образу Коробочки также шкатулка Чичикова с ящичками, перегородками, закоулками, потаенным ящиком для денег. Символически Коробочка раскрылась, предав огласке тайну Чичикова. Таким образом, волшебный ларец, шкатулка с «двойным дном», благодаря Коробочке выдает свой секрет.

Имя и отчество Коробочки — Настасья Петровна — напоминает сказочную медведицу (ср. с Собакевичем — Михаилом Семеновичем) и указывает на «медвежий угол», куда забралась Коробочка, замкнутость, недалекость и упрямство помещицы. Мелочность Коробочки, животная ограниченность ее интересов исключительно заботами о собственном хозяйстве подчеркивается птичье-животным антуражем вокруг Коробочки. Помещики, живущие рядом с Коробочкой, — Бобров, Свиный. В хозяйстве Коробочки «индейкам и курам не было числа», свинья съела «мимоходом цыпленка»; у Чичикова, заехавшего к Коробочке и выпавшего из брички, по ее словам, «как у борова», спина и бок в грязи; фруктовые деревья Коробочки накрыты сетями «для защиты от сорок и воробьев, из которых последние целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое». В фольклорной традиции птицы, упоминаемые в связи с Коробочкой (индюки, куры, сороки, воробьи), символизируют глупость, бессмысленную хлопотливость.

Характерный для Гоголя метонимический перенос — чучело на длинном шесте в чепце хозяйки — создает пародийно овеществленного двойника Коробочки, усиливая впечатление комической бессмыслицы бережливости одинокой вдовы, копящей неизвестно для кого и не видящей дальше своего носа. Вещи в доме Коробочки, с одной стороны, отражают наивные представления Коробочки о пышной красоте; с другой — ее скопидомство и круг домашних развлечений (гадание на картах, штопанье, вышивка и стряпня): «комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев; за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате...».

Звуковой образ бьющих часов Коробочки построен на контрасте зловещего змеиного шипения в обиталище бабы Яги и вместе с тем изображения десятилетиями неизменного старушечьего быта, «охрипшего» от времени: «шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями <...> стенным часам пришла охота бить. За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и наконец, понатужась всеми силами, они проббили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку...».

Общечеловеческая страсть, изображенная Гоголем в образе Коробочки, — «дубинноголовость». Коробочка боится продешевить при продаже «мертвых душ», опасается, как бы Чичиков не обманул ее, хочет выждать, чтобы «как-нибудь не понести убытку»; может быть, эти души «в хозяйстве как-нибудь под случай понадобятся», и вообще «товар

такой странный, совсем небывалый». Коробочка поначалу полагает, будто Чичиков намерен выкапывать мертвых из земли. Она собирается подсунуть Чичикову вместо «мертвых душ» пеньку и мед, цены на которые она знает, в отношении же «душ» Коробочка заявляет: «лучше ж я маненько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам».

Боязнь продешевить вынуждает Коробочку отправиться в город узнавать цену на «мертвые души», снарядив тарантас, «скорее похожий на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса... Арбуз был наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, шкурками, скородумками и кренделями из заварного теста». Арбуз-тарантас Коробочки — еще один аналог ее образа, наряду с комодом, шкатулкой и пестрядевыми мешочками, полными денег. Коробочка решается продать «души» со страху и из суеверия, ибо Чичиков посулил ей черта и чуть не проклял («да пропади и околеи со всей вашей деревней!»), тем более что черт ей привиделся во сне: «гадкий, ... а рога-то длиннее бычачьих».

Свою покупку Чичиков заедает яствами в духе Коробочки (небольшое, закрученное, завернутое, самозамкнутое): грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: с луком, с маком, с творогом, со сняточками.

В образе Коробочки заключен тип «дубинноголового» упряма, закоснелого и омертвевшего в своей ограниченности: «иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь...». Аристократическая дама, «зевающая за недочитанной книгой», готовая в светской гостиной «высказать вытверженные мысли ... о том, какой политический переворот готовится во Франции, какое направление принял модный католицизм», в сущности, подобна Коробочке.